

18+

Мария
Фомальгаут

реальность
выключают
в восемь

Мария Фомальгаут

Реальность выключают в восемь

«Издательские решения»

Фомальгаут М. В.

Реальность выключают в восемь / М. В. Фомальгаут —
«Издательские решения»,

Это сборник-исповедь, сборник-попытка выжить. Здесь черно-белый фильм снимает самого себя, а дождь ищет тех, кто его ждет. Города оказываются бездомными, судьбы — забытыми, а время разбивает чашку и уходит под диван. Сборник о том, что нас всех давно потеряли: о потерянных иероглифах, остывающих маяках и пепле сожженных книг. Поэзия на грани нервного срыва, где скрипка может быть тенью, а зима бежит от самой себя. Стихи о том, как важно говорить о свете в мире, который выключили в восемь вечера.

Содержание

Две тысячи первый акт	6
Черно-белый фильм	8
Я сегодня буду дождём...	10
Дом с камином	12
Дом из красного кирпича	14
Черно-белая пешка	16
Судьба без человека	18
Семь полуночей	20
Потерянный иероглиф	22
Воронограй	25
Последний квант	27
Сто ударов косы	29
Лапша	31
Прялка	33
Пожелтевший билет	35
Возвращаемся, не уходя	37
Долгий путь	39
Отпускаю птиц	41
Время, когда возвращаются песни	43
Сентябри и субботы	44
Аматэрасу	46
История без правды	48
Знак тьмы	50
Музыкальная шкатулка	52
Клетка в клетке	54
Белый снег	56
Тишина на скрипке	58
Мир безбезумный	59
Привычка подсолнуха	61
Бал в десять баллов	63
Оцифрованный разум	65
Не успели	67
Февраль	70
Ночлег для ночи	72
Пятое сентября	74
Рифма	76
Погасший звёздный свет	78
До луны пешком	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Реальность выключают в восемь

Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Владимировна Фомальгаут, 2026

ISBN 978-5-0070-9946-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две тысячи первый акт

Играем искренне и глупо
До нервных срывов и инфарктов,
На нас глядит до катаракты
Пустой безлюдный первый ряд,
И наша маленькая труппа
Всего на восемь миллиардов
Опять играет без антракта
Уже шесть тысяч лет подряд.

Пусть наши души дотла обуглены,
И боль пульсирует в каждой косточке,
Но снова истово, до испарины
На сердце высечен нервный такт,
И мы выходим на сцену круглую
Что бесконечно летит по космосу,
По ненаписанному сценарию
Играть две тысячи первый акт.

Бросаем крик в пустые ложи,
Потертый занавес разгладив,
И точно зная, — не услышим
Аплодисменты никогда,
И изумляется прохожий,
Из бесконечной спешки глядя
На белоснежную афишу,
Где нет названия и дат.

Пусть наши души дотла обуглены,
И боль пульсирует в каждой косточке,
Но снова истово, до испарины
На сердце высечен нервный такт,
И мы выходим на сцену круглую
Что бесконечно летит по космосу,
По ненаписанному сценарию
Играть две тысячи первый акт.

И как всегда без репетиций
Нас грубо вытолкнут на сцену,
Играть ошибки, что не учат —
Который век опять на бис:
И боевые колесницы,

И чей-то гимн течет по венам,
И ни копейки не получим
За наш нелепый бенефис.

Пусть наши души дотла обуглены,
И боль пульсирует в каждой косточке,
Но снова истово, до испарины
На сердце высечен нервный такт,
И мы выходим на сцену круглую
Что бесконечно летит по космосу,
По ненаписанному сценарию
Играть две тысячи первый акт.

Под свет небесного софита
Навзрыд, неистово, до боли
Перед безлюдным бельэтажем
Не для кого звенит звонок:
Опять играть без реквизита
Нам ненаписанные роли,
И ни один суфлер не скажет,
Как нам закончить монолог.

Пусть наши души дотла обуглены,
И боль пульсирует в каждой косточке,
Но снова истово, до испарины
На сердце высечен нервный такт,
И мы выходим на сцену круглую
Что бесконечно летит по космосу,
По ненаписанному сценарию
Играть две тысячи первый акт.

Черно-белый фильм

По трассам глотаю пыль,
И кто-то шепнет — «Слабак»,
И кто-то смешком уколёт сердце горячее:
А я — черно-белый фильм,
Снимающий сам себя,
Кричащий себе — «Мотор и камера, начали!»

Не в моде мой странный стиль,
Давно уж пора понять,
И хватит по пленкам засвеченным течь и течь:
А я — черно-белый фильм,
Который не был отснят,
И брошен на полку невоплощенных мечт.

Я так не хочу в утиль:
Несказано столько фраз!
Несыграно столько нот и столько эссе!
А я — черно-белый фильм,
Который каждый из вас
По-своему вспомнит, а правду забыли все.

Живу из последних сил,
Когда велят умирать,
Судьба моя — не вино, а простой самогон:
А я — черно-белый фильм,
Который хочет сыграть
Себя самого на съемках себя самого.

Ищу понапрасну штиль:
На тысячу долгих миль
Меня окружают штормов и метелей вечности:
А я — черно-белый фильм
Про то, как снимают фильм,
Про то, как снимают фильм, и так до бесконечности.

Худущий, словно фитиль,
Последнему ноябрю
Я руку жму, не надеясь на что хорошее,
И я — черно-белый фильм,
Себя самого смотрю

В пустом кинозале, давным-давно позаброшенном.

Я сегодня буду дождём...

Про меня говорят — идёт,
Когда струи мои полощутся,
И куда упадут — не успели ещё узнать:
Я сегодня буду дождём
Тем, который пройдёт над площадью,
На которой кого-то прославят или казнят.

Про меня говорят — идёт,
Когда капли мои сутуются,
Обгоняя бегущий в небе сердитый гром:
Я сегодня буду дождем
Тем, который пройдёт по улице,
На которой встретятся двое под фонарём.

Про меня говорят — идёт,
Когда тучи мои распороты,
Я опять вспоминаю, как это — просто быть:
Я сегодня буду дождём
Тем, который пройдёт над городом
Что ещё не построен или навек забыт.

Про меня говорят — идёт
Понарошками, панорамами
Как всегда тороплюсь без лошади и колёс:
Я сегодня буду дождём
Тем, который пройдёт над памятью
Умывая воспоминанья от горьких слёз.

Про меня говорят — идёт
Неуставшим упавшим спринтером
Посиди, отдохни — никогда мне не говорят:
Я сегодня буду дождём
Тем, который летит снежинками,
Застывая по переулкам и нояблям.

Про меня говорят — идёт
По туманам и по околицам,
Вопрошая, когда же я выдохнусь и усну?
Я сегодня буду дождём
Тем, который всё не укроется

От себя самого, идущего в тишину.

Дом с камином

Шторы задвинет
Лик молодой луны,
Дому с камином
Снятся страшные сны,

Тысячи минет
Лет на большой луне:
Дому с камином
Снится холодный снег.

Пламя рубином
Светит в глаза чудес,
Дому с камином
Снится шумящий лес,

Провалился наполовину
В сновидения дом с камином
Где сокровища прячет корнями во тьме сосна,
Согревает свою ангину
Засыпающий дом с камином
И идёт по лесным дорогам большого сна.

Там мандарином
Светит луна во тьме:
Дому с камином
Снится путь по зиме,

Хрип лошадиный,
В чаще лесной тропа...
Дому с камином
Можно ложиться спать,

Под балдахином
Видеть волшебный путь,
Дому с камином
Крепко пора уснуть.

Провалился наполовину

В сновидения дом с камином
Где сокровища прячет корнями во тьме сосна,
Согревая свою ангину,
Засыпающий дом с камином
Поспешит по лесным дорогам большого сна.

Вёрсты, аршины —
Путь далёк и тягуч:
Дому с камином
Снится под елью ключ,

Черные спины
Выгнули два кота:
Дому с камином
Снится снег на кустах,

В древних кувшинах
Блеск серебров и злат:
Дому с камином
Снится волшебный клад,

Тропкою длинной
Путь в родное гнездо:
Дому с камином
Снится с камином дом.

Провалился наполовину
В сновидения дом с камином
Где сокровища прячет корнями во тьме сосна,
Согревая свою ангину,
Засыпающий дом с камином
Поспешит по лесным дорогам большого сна.

Дом из красного кирпича

Вспоминает сотни людей,
Что когда-то дышали здесь,
Что оставили в стенах мечты, надежды и смех,
Сядет ужинать при свечах
Дом из красного кирпича
Нарезая кусочки прошлого в полутьме.

Он разглаживал на столе
Пожелтевший к мечте билет,
Что оставили уходящие в память сны:
Тихо прячет свою печаль
Дом из красного кирпича
В нижнем ящике под коробкой из-под весны.

Заснеженным крошечком
Рассыпается прошлое,
И дом самого собирает себя:
Но память не вычеркнуть,
И в каждом кирпичике
Осталась ушедшая чья-то судьба.

Он положит на табурет
Фотографии сентябррей
Там, где прошлое чьи-то судьбы во тьме хранит:
Рвет события сгорая
Дом из красного кирпича
Но не сможет ход истории отменить.

Он застелет себе кровать
Одеялом из колдовства
Набивая в подушку крики неспящих сов:
Просыпается по ночам
Дом из красного кирпича
Утешая плачущих в страхе страшный сон.

Заснеженным крошечком
Рассыпается прошлое,
И дом самого собирает себя:
Но память не вычеркнуть,
И в каждом кирпичике

Осталась ушедшая чья-то судьба.

Чьи-то письма спешат во тьму
Адресованы никому
Исчезая в камине, дёргаясь на костре:
Не найдя от себя ключа,
Дом из красного кирпича
Ляжет спать у порога собственных же дверей.

Где-то прячутся в темноте
Хороводы чьих-то потерь
Возвращается к дому чьих-то сердец тепло:
Он привык не рубить сплеча,
Дом из красного кирпича
Вспоминая тех, кто жил под его крылом.

Заснеженным крошечком
Рассыпается прошлое,
И дом самого собирает себя:
Но память не вычеркнуть,
И в каждом кирпичике
Осталась ушедшая чья-то судьба.

Черно-белая пешка

Бьёт копытами белый конь,
Атакует меня легко,
И бегу без покоя-сна
Я от черного от слона,
И кричат мне со всех сторон
Ну, куда ты прёшь на рожон,
Кто бежать тебе разрешил
На сто клеток вперёд — скажи.

Попадаются очень редко
Мне кусочки шахматной клетки,
И из жизни своей конфетку
Мне не сделать — все не везёт,
И бежит в бесконечной спешке
Горький путь черно-белой пешки,
Долгий путь черно-белой пешки,
Возмнившей себя ферзём.

Бьёт подошвами черный взвод
И толпой на меня идёт,
Уношу я ноги свои
Прочь от белоснежной ладьи,
Говорят, что бежать нельзя,
Говорят уступать ферзям,
И нельзя, привстав на носки,
Перепрыгнуть за край доски.

Попадаются очень редко
Мне кусочки шахматной клетки,
И из жизни своей конфетку
Мне не сделать — все не везёт,
И бежит в бесконечной спешке
Горький путь черно-белой пешки,
Долгий путь черно-белой пешки,
Возмнившей себя ферзём.

Бьет полуночи первый бом,
О вчера ударившись лбом,
И шагает в завтрашний день,
Где я снова буду нигде:
Где для тех и других не свой

С неотрубленной головой
Где сражается и шумит
Неродной черно-белый мир.

Попадаются очень редко
Мне кусочки шахматной клетки,
И из жизни своей конфетку
Мне не сделать — все не везёт,
И бежит в бесконечной спешке
Горький путь черно-белой пешки,
Долгий путь черно-белой пешки,
Возомнившей себя ферзём.

Судьба без человека

Во сне прикладывая веки
К софе,
Сидит судьба без человека
В кафе,
Не помнит год, не помнит века
Давно,
И пьёт судьба без человека
Вино.

Идя по выпавшему снегу
В пальто,
Кричит судьба без человека —
Я кто?
Нелепой, странною калеккой
Снуя,
Хрипит судьба без человека
Я чья?

Они спешат в затертых худи,
Самих себя несут на блюде
Ни для кого — в неугасающей ночи,
И спросят судьбы, судьбы, судьбы,
Где наши люди, люди, люди,
Но тишина в ответ по-прежнему молчит.

Без утешенья и ночлега
Вперёд
Идёт судьба без человека,
Идёт,
Сходя среди дождя и снега
С ума,
Живёт судьба без человека
Сама.

С пустой и белой картотекой
На ты
Хранит судьба без человека
Мечты
И о космических ковчегах
Шепча,
Идет судьба без человека

К ночам.

Они спешат в затертых худи,
Самих себя несут на блюде
Ни для кого — в неугасающей ночи,
И спросят судьбы, судьбы, судьбы,
Где наши люди, люди, люди,
Но тишина в ответ по-прежнему молчит.

И в круглосуточной аптеке
Одна
Берёт судьба без человека
Для сна,
Но грохот выстрела и эхо
В огне
Хранит судьба без человека
Во сне.

Они спешат в затертых худи,
Самих себя несут на блюде
Ни для кого — в неугасающей ночи,
И спросят судьбы, судьбы, судьбы,
Где наши люди, люди, люди,
Но тишина в ответ по-прежнему молчит.

Семь полуночей

Досчитать до раз-два-три,
Семь полуночей сварить
И подать на стол, когда приходит тьма,
Запрягать в свою метлу
Девяносто тысяч лун
И лететь до полнолуния в туман.

Не забыть рассыпать соль
И позвать тринадцать сов,
Жадно слушая мелодию часов,
И расставить по углам
Три свечи и зеркала
Разливая полнолуния из котла.

Досчитать четыре-пять,
Положить легенды спать
Взять перо из черной кошки на заре,
Запрягать в свою луну
Быстроногую весну
И лететь во весь опор до сентябрей.

Не забыть рассыпать соль
И позвать тринадцать сов,
Жадно слушая мелодию часов,
И расставить по углам
Три свечи и зеркала
Разливая полнолуния из котла.

Досчитать до пять-шесть-семь,
Завязать на колесе
Сто тринадцать неразвязных узелков,
Запрягать в старинный дом
Сорок мельниц за прудом
И лететь по полнолуниям далеко.

Не забыть рассыпать соль
И позвать тринадцать сов,
Жадно слушая мелодию часов,
И расставить по углам
Три свечи и зеркала

Разливая полнолуния из котла.

Досчитать до ста нулей,
Уходя за семь полей
Собирая голоса полночных сов,
Запрягать в фургон из снов
Семь крылатых черепов
И под звездами лететь за сто лесов

Не забыть рассыпать соль
И позвать тринадцать сов,
Жадно слушая мелодию часов,
И расставить по углам
Три свечи и зеркала
Разливая полнолуния из котла.

Потерянный иероглиф

Не снял ни один фотограф
Как шел через темный лес
Потерянный иероглиф
Туману наперерез.

Чернила его поблёкли
И смысла не прочитать —
Потерянный иероглиф —
Две галочки и черта.

Потерянный иероглиф
Упрямо гляди в бинокли,
С трудом их крючками-линиями держа,
Потерянный иероглиф
В истерике смотрит в стёкла
Где свиток, тот, из которого он сбежал?
Потерянный иероглиф
Не слишком суров и строг ли
Что так не хотел в протоколе сухом служить,
Но что-то поделаться мог ли
Потерянный иероглиф,
Кто песню напишет, в которой он будет жить?

Себя он три раза проклял,
Что выскочил из письма,
Потерянный иероглиф
В дороге устал весьма.

Под летним дождем продрогнув
Что только под вечер стих,
Потерянный иероглиф
Так хочет найти свой стих

Потерянный иероглиф
Упрямо гляди в бинокли,
С трудом их крючками-линиями держа,
Потерянный иероглиф
В истерике смотрит в стёкла
Где свиток, тот, из которого он сбежал?
Потерянный иероглиф

Не слишком суров и строг ли
Что так не хотел в протоколе сухом служить,
Но что-то поделаться мог ли
Потерянный иероглиф,
Кто песню напишет, в которой он будет жить?

Заглядывал в каждый погреб
И в каждый случайный дом,
Потерянный иероглиф
Весь мир обошел пешком,

Оглядывал каждый округ
И каждый большой роман
Потерянный иероглиф
Чуть сам не сошёл с ума

Потерянный иероглиф
Упрямо гляди в бинокли,
С трудом их крючками-линиями держа,
Потерянный иероглиф
В истерике смотрит в стёкла
Где свиток, тот, из которого он сбежал?
Потерянный иероглиф
Не слишком суров и строг ли
Что так не хотел в протоколе сухом служить,
Но что-то поделаться мог ли
Потерянный иероглиф,
Кто песню напишет, в которой он будет жить?

Но тает в тумане оклик
И так нестерпимо жаль:
Потерянный иероглиф
Напрасно шагает вдаль.

Он сам для себя биограф
И сам для себя судья —
Потерянный иероглиф
Ну, где же быть должен я?

Потерянный иероглиф
Упрямо гляди в бинокли,
С трудом их крючками-линиями держа,
Потерянный иероглиф

В истерике смотрит в стёкла
Где свиток, тот, из которого он сбежал?
Потерянный иероглиф
Не слишком суров и строг ли
Что так не хотел в протоколе сухом служить,
Но что-то поделать мог ли
Потерянный иероглиф,
Кто песню напишет, в которой он будет жить?

Воронограй

Поднимая глаза высокие
Восхищения не тая,
Люди слушают песни сокола,
Трели слушают соловья,
Перед зябликом робко шаркают,
Слышат иволгу в тишине,
И никто не слушает карканье
Хриплых воронов в вышине.

Поднимая глаза усталые
На продрогшей зимней заре,
Люди слушают трель хрустальную
Свиристелей и снегирей,
Но никто никогда не слушает —
Крики ворона режут степь:
Закрывают глаза и души все
От дурных, тревожных вестей.

Понадёжней да поисправней
Закрывайте скорее ставни,
Обереги в ночи поставьте
Вы у запертых у дверей,
Шторы бархатные расправьте,
Чтоб не слышать кричащей правды,
И не ведать, что будет завтра
В крике ворона на заре.

Души крыльями прочь от дома
Рвутся за край:
Рассыпайся в грохоте грома
Воронограй,
Все рассветы и листопады
Переиграй,
Рассыпайся по небу градом
Воронограй.

Понапрасну в четыре стороны
Разлетаются в вечный мрак
Песни вещие, песни ворона
Со своим раскатистым Кр-р-ак,
Понапрасну сулят тревожные

Вереницы тяжёлых дней,
И свое кровавое прошлое
Понапрасну бросают в снег.

Понадёжней да поисправней
Закрывайте скорее ставни,
Обереги в ночи поставьте
Вы у запертых у дверей,
Шторы бархатные расправьте,
Чтоб не слышать кричащей правды,
И не ведать, что будет завтра
В крике ворона на заре.

Души крыльями прочь от дома
Рвутся за край:
Рассыпайся в грохоте грома
Воронограй,
Все рассветы и листопады
Переиграй,
Рассыпайся по небу градом
Воронограй.

Последний квант

Кровавой скоростью за двести
Строка спешит,
В невыразимом вечном танце
Ища слова:
Я мог бы петь живые песни
От всей души
Но от души моей остался
Последний квант.

Мне никогда по всем мирам
Свои обломки не собрать,
Вселенной прах перебираю я по косточкам,
И по осколкам сентябрей
Иду к мерцающей заре
Последним квантом умирающего космоса.

В пути застыл уставший вечер
И в суете
Лежит уставшая усталость,
Скрывая стон,
Я мог бы ринуться навстречу
Своей мечте,
Но от мечты моей остался
Один фотон.

Мне никогда по всем мирам
Свои обломки не собрать,
Вселенной прах перебираю я по косточкам,
И по осколкам сентябрей
Иду к мерцающей заре
Последним квантом умирающего космоса.

Я говорил — прочнее стали
Мой звук шагов,
Я верил, сердцу будет жарко —
Падёт рубеж:
Но мои крылья так устали
За сто веков
Держаться на последнем кварке
Моих надежд.

Мне никогда по всем мирам
Свои обломки не собрать,
Вселенной прах перебираю я по косточкам,
И по осколкам сентябрей
Иду к мерцающей заре
Последним квантом умирающего космоса.

Я заблудился в вечном между,
Теряя след,
И безголосым пианино
Звучат мечты,
Но что осталось от надежды
За много лет,
Звенит единственным нейтрино
Из пустоты.

Мне никогда по всем мирам
Свои обломки не собрать,
Вселенной прах перебираю я по косточкам,
И по осколкам сентябрей
Иду к мерцающей заре
Последним квантом умирающего космоса.

Сто ударов косы

Не отстанут, как ни проси,
Неустанно твердят — коси,
По туманам нет больше сил
Ковылять.
Но в угаре звенит коса
Сто ударов за полчаса
И кошмары кладу, трясясь,
В штабеля.

Я до разрыва с толпой родных
Без перерывов, без выходных
На грани срыва петель дверных
Рублю с плеча,
Я не зевая, свой груз несу,
Не успеваю точить косу,
И забываю, в каком часу
Пора пить чай.

Не оставят — как ни моли,
И заставят шагать в пыли
И по всем сторонам земли
Собирать
Под фанфары опять взмахну
Сто ударов за пять минут
Снова даром, и не уснуть
До утра.

Я до разрыва с толпой родных
Без перерывов, без выходных
На грани срыва петель дверных
Рублю с плеча,
Я не зевая, свой груз несу,
Не успеваю точить косу,
И забываю, в каком часу
Пора пить чай.

Не отстанут, как ни кричи,
И костями опять стучи
И опять собирай в ночи
Сотни душ,
И кошмаром коса гремит —

Сто ударов за каждый миг
И сейчас на плечах с людьми
Упаду

Я до разрыва с толпой родных
Без перерывов, без выходных
На грани срыва петель дверных
Рублю с плеча,
Я не зевая, свой груз несу,
Не успеваю точить косу,
И забываю, в каком часу
Пора пить чай.

Лапша

Верю, что моя судьба —
Наварить саму себя
Всю огромную планету утопя,
Я мечтаю накормить
Весь большой голодный мир,
Только мне не повезло опять с людьми.

Я несу по свету ложь,
Что вовеки не сотрёшь,
Что не срежет ни один топор и нож:
Восседаю на ушах,
Растворимая лапша
И болтаю башмаками не спеша.

Не умрёт моя мечта —
К отощавшим животам
Прибежать по побережьям и хребтам:
Я мечтаю обогреть
Всех и Гензелей, и Грет,
Но мне снова не везёт в большой игре.

Я несу по свету ложь,
Что вовеки не сотрёшь,
Что не срежет ни один топор и нож:
Восседаю на ушах,
Растворимая лапша
И болтаю башмаками не спеша.

Мне велят нести обман
И народ сводить с ума,
Полусказка, полуправда, полутьма:
Всех людей большой земли
Я хочу не обделить,
Только вместо единиц опять нули.

Я несу по свету ложь,
Что вовеки не сотрёшь,
Что не срежет ни один топор и нож:
Восседаю на ушах,
Растворимая лапша

И болтаю башмаками не спеша.

Прялка

На сто голосов
Скрипит колесо,
И пляшет веретено,
Блестя, как луна,
Играет струна
Какой-то мотив чудной,
И стойка дрожа
И стойко держась
На тонкий глядит пунктир,
Как нити судьбы
Под сон ворожбы
Бегут в бесконечный мир.

Мне для судеб нитей не жалко,
Позовите, и я приду,
Я всего лишь простая прялка,
И пряду, пряду и пряду,
Мне не жалко нитей и судеб,
Но понять не могу я вновь:
Отчего же вы сами, люди,
Обрезаете нити в кровь?

Под песню струны
Снуют шатуны
И кто-то жмет на педаль,
И чья-то судьба,
Еще так слаба
Спешит в голубую даль,
И люди бегут
И не берегут
Дороги неровный бег,
Не помня, что нить
Их будет хранить
Всего лишь короткий век.

Мне для судеб нитей не жалко,
Позовите, и я приду,
Я всего лишь простая прялка,
И пряду, пряду и пряду,
Мне не жалко нитей и судеб,
Но понять не могу я вновь:
Отчего же вы сами, люди,

Обрезаете нити в кровь?

Легки и ловки
Мои городки
И серьги чуть-чуть дрожат,
В узорах резьбы
По нитям судьбы
Рождённые поспешат.
Но что-то гремит:
Безжалостный мир
Не даст до конца пройти:
И нити судьбы
Под грохот стрельбы
Порвутся на полпути.

Мне для судеб нитей не жалко,
Позовите, и я приду,
Я всего лишь простая прялка,
И пряду, пряду и пряду,
Мне не жалко нитей и судеб,
Но понять не могу я вновь:
Отчего же вы сами, люди,
Обрезаете нити в кровь?

Пожелтевший билет

Ты о чём говоришь,
Посылая мне странные сны,
И билеты в мечту
Мне суешь от апреля до марта?
И путевка в Париж
Покупает билет до весны,
И потерянный тур
Покупает дорожную карту.

Долгий путь зовёт сам себя
К берегам, где сама судьба,
Убежит от себя неслышно и без труда,
Где уже миллионы лет
Пожелтевший дотла билет
Сам себя продаёт до какого-то никуда.

Так чего же ты ждёшь,
Посылая во сне острова,
Запустив поезда
Без намерений из без маршрута,
И в не выпавший дождь
Покупает билеты Москва,
И кладёт в чемодан
Память прошлого из ниоткуда.

Долгий путь зовёт сам себя
К берегам, где сама судьба,
Убежит от себя неслышно и без труда,
Где уже миллионы лет
Пожелтевший дотла билет
Сам себя продаёт до какого-то никуда.

Тосковала тропа,
Где ничья не ступала стопа,
И к далёким мирам
Два круиза бронируют даты,
И путёвка в Непал
Покупает путёвку в Непал,
Чтоб единственный раз
Прошагать по себе без возврата.

Долгий путь зовёт сам себя
К берегам, где сама судьба,
Убежит от себя неслышно и без труда,
Где уже миллионы лет
Пожелтевший дотла билет
Сам себя продаёт до какого-то никуда.

Возвращаемся, не уходя

Кто-то должен не прощаться
В серых сумерках дождя,
Паруса не поднимать большим фрегатам,
Кто-то должен возвращаться,
Никогда не уходя,
Если все вокруг уходят без возврата.

По лабиринтам седого дождя
В сумерках путаясь и замерзая,
Мы продираемся через года
По незнакомым мирам:
Мы возвращаемся не уходя,
Мы появляемся, не исчезая,
Мы оживаем, хотя никогда
Не довелось умирать.

Кто-то должен через двадцать
Тысяч лет своё лицо
Вспоминать на расколовшемся экране,
Кто-то должен подниматься
На забытое крыльцо,
Если все вокруг растаяли в тумане.

По лабиринтам седого дождя
В сумерках путаясь и замерзая,
Мы продираемся через года
По незнакомым мирам:
Мы возвращаемся не уходя,
Мы появляемся, не исчезая,
Мы оживаем, хотя никогда
Не довелось умирать.

Кто-то должен мелкой рысью
По желтеющим лесам
В никуда бежать домой незамедлительно,
Кто-то должен стайки писем
Посылать по адресам,
Если больше не осталось отправителей.

По лабиринтам седого дождя

В сумерках путаясь и замерзая,
Мы продираемся через года
По незнакомым мирам:
Мы возвращаемся не уходя,
Мы появляемся, не исчезая,
Мы оживаем, хотя никогда
Не довелось умирать.

Долгий путь

Постучит в окно долгий путь
Говорит со мной:
Не пройдете меня чуть-чуть
Через шар земной?
Я услышу голос пути
В тишине молит:
Не могли бы меня пройти
До краёв земли?

Безнадёжно вращая глобусы,
По ночам собирая космосы,
Долгий путь скучает по компасам
Пожирает его тоска:
Ничего не зная заранее,
До рубцов за века израненный,
Долгий путь тоскует по странникам,
И идёт кого-то искать.

Для своих дорог дирижёр
Сам в себя билет,
Но никто его не прошёл
За сто тысяч лет
И тоскует его душа,
Обходя тропу,
Что никто и крохотный шаг
Не ступил на путь.

Безнадёжно вращая глобусы,
По ночам собирая космосы,
Долгий путь скучает по компасам
Пожирает его тоска:
Ничего не зная заранее,
До рубцов за века израненный,
Долгий путь тоскует по странникам,
И идёт кого-то искать.

Мне по-прежнему не уснуть,
На дворе темно,
И опять непройденный путь
Постучит в окно
Он отчаяний не тая,

Говорит — Иди,
Непоказанные края
Бережёт в груди.

Безнадёжно вращая глобусы,
По ночам собирая космосы,
Долгий путь скучает по компасам
Пожирает его тоска:
Ничего не зная заранее,
До рубцов за века израненный,
Долгий путь тоскует по странникам,
И идёт кого-то искать.

Отпускаю птиц

Осторожно сложить без слов
Молча птицу из вещей снов
Сделать крылья из памяти, перья из горьких слёз,
Осторожно тайком вложить
В эту птицу кусок души
И к далёким мирам отпустить через песни звёзд.

Ветви падают и грустят —
Обездушенный мой костяк
И засохшие корни в сером песке хрустят
Отпущу кусочки души,
Те, что холод не засушил
Пусть душа голубыми крыльями зашуршит.

Позабыты те времена,
Где велела в полночь луна
Облетать по ветру тысячами страниц,
Мне от клюва и до хвоста
Свою душу пересчитать
И осталось кусочков для трех с половиной птиц

Ветви падают и грустят —
Обездушенный мой костяк
И засохшие корни в сером песке хрустят
Отпущу кусочки души,
Те, что холод не засушил
Пусть душа голубыми крыльями зашуршит.

Позабыв о земных делах,
Высыхаю опять дотла,
Понапрасну скребут мои корни тоску снегов,
Отпускаю последних птиц
За ряды границ и гробниц —
Доберется хоть кто-то до живых берегов.

Ветви падают и грустят —
Обездушенный мой костяк
И засохшие корни в сером песке хрустят
Отпущу кусочки души,
Те, что холод не засушил

Пусть душа голубыми крыльями зашуршит.

Время, когда возвращаются песни

Падают ноты мертвые бестелесны
Кружатся с ними снежные кружева:
Близится время, когда облетают песни,
Робко роняя фразы, ноты, слова,

Зимы крадутся темной студёной бездной
Поздняя осень сводит себя с ума:
Близится время, когда улетают песни,
Робко расправив крылья в ночной туман

Не показавшись, снова исчезнет
В холод, туман и нетающий снег
Время, когда просыпаются песни,
Время, когда вспоминаются песни,
Время, когда возвращаются песни —
Время, которого нет.

Им не проснуться больше и не воскреснуть,
Их не щадит февраль голодный и злой,
Близится время, когда умирают песни,
Сбитые насмерть чьей-то шальной стрелой.

По холодам безмолвны и бессловесны,
Катятся на обломках чужих колёс:
Близится время, когда засыпают песни
Кутаясь в одеяло из слов и слёз.

Не показавшись, снова исчезнет
В холод, туман и нетающий снег
Время, когда просыпаются песни,
Время, когда вспоминаются песни,
Время, когда возвращаются песни —
Время, которого нет.

Сентябри и субботы

Через пепел и дым,
Вырывая у тьмы каждый вздох,
Через холод и смерть,
По последним штрихам человечества
Собираю следы
Безвозвратно ушедших эпох,
Что застыли во тьме
Навсегда замолкающей вечности.

Собираю по нотам,
Сентябри и субботы,
И надеюсь в ночи у огня:
Может, кто-то когда-то
По годам и по датам
Соберёт по осколкам меня.

За версты и версты
Я гоню душу, стертую в кровь
По столетьям дрожа
Без ненужной отчаянной доблести:
Собираю черты
Безнадёжно ушедших миров
И хочу удержать
На холсте их последние проблески.

Собираю по нотам,
Сентябри и субботы,
И надеюсь в ночи у огня:
Может, кто-то когда-то
По годам и по датам
Соберёт по осколкам меня.

Несмотря на бронхит
И звеня половиной оков,
По студёной тропе
Полной пушками и пистолетами
Собираю штрихи
Беспощадно разбитых веков
Не надеясь пропеть
Не фальшивя хотя бы столетие.

Собираю по нотам,
Сентябри и субботы,
И надеюсь в ночи у огня:
Может, кто-то когда-то
По годам и по датам
Соберёт по осколкам меня.

Аматэрасу

Свет, как расплавленный янтарь
Он так же тягостен и вязок:
Выходит в полудне, как встарь — Аматэрасу,
По уголкам большой земли
Найдется солнца всем с запасом,
Боится мир испепелить — Аматэрасу.
На удивление живым
Прорвав космические трассы
Пронзила небо до крови — Аматэрасу.
Где даже звёзды промолчат,
Свой долгий путь стерег до мяса,
На всех порах ворвётся в чат — Аматэрасу.

Под облетающим деревцом
На занесённой листвой террасе
Под веер прячет своё лицо
Аматэрасу, Аматэрасу.
Она укрылась в своих лучах,
И в окруженье слепящих красок
Пьет под сосною зеленый чай
Аматэрасу, Аматэрасу.

Быть неизменным и простым
Холодный космос не обязан,
И вот летит из темноты — Аматэрасу.
Она во тьме упрямо ждет
В веках волнующего часа,
Когда пора покинуть грот — Аматэрасу.
Среди горячих летних рос
Незримой тайной узкоглазой
Несёт незаданный вопрос — Аматэрасу.
В немом космическом кино
Молчит несказанною фразой
И расправляет кимоно — Аматэрасу.

Под облетающим деревцом
На занесённой листвой террасе
Под веер прячет своё лицо
Аматэрасу, Аматэрасу.
Она укрылась в своих лучах,
И в окруженье слепящих красок
Пьет под сосною зеленый чай

Аматэрасу, Аматэрасу.

История без правды

С моими страницами в ссоре я,
Спешу, не жалея всей прыти я:
Идёт и идёт по своей непонятной судьбе
Красивая очень история
О давнем каком-то событии
И ищет какую-то правду она о себе.

Отгадывать больше нет силы,
Какую же правду я скрыла,
На стыке времён приуныла
Смотрю, обречённая, в небо я,
Я так хочу стать тем, что было,
Я так хочу стать тем, что было,
Я так хочу стать тем, что было —
Но я остаюсь только тем, чего не было.

А строчки рыдают и бесятся,
Боятся, что брошу их вскоре я,
И сызнова на перекрёстках времён я стою:
Идет через годы и месяцы
Красивая очень история
И всех вопрошает — не видели правду мою?

Отгадывать больше нет силы,
Какую же правду я скрыла,
На стыке времён приуныла
Смотрю, обречённая, в небо я,
Я так хочу стать тем, что было,
Я так хочу стать тем, что было,
Я так хочу стать тем, что было —
Но я остаюсь только тем, чего не было.

Века и столетия замерли,
И кто-то воскликнул — вот горе-то,
Когда увидели откуда-то издалека,
Как падает, падает замертво
Красивая чья-то история,
Сражённая правдой, что встретила через века.

Отгадывать больше нет силы,

Какую же правду я скрыла,
На стыке времён приуныла
Смотрю, обречённая, в небо я,
Я так хочу стать тем, что было,
Я так хочу стать тем, что было,
Я так хочу стать тем, что было —
Но я остаюсь только тем, чего не было.

Знак тьмы

Я снова везде
Издёргал людей,
Но плачусь и тут, и там:
Простите меня,
Прочтите меня,
Скажите, что я — мечта.

В чернилах я весь
Закован навек
Не выбраться сотни лет:
Простите меня,
Прочтите меня,
Скажите, что я — рассвет.

Отчаянно мечтаю
О роли без границ,
Но как скажите, не сойти с ума,
Когда меня читают
На тысячах страниц,
И неизменно произносят — тьма.

В неподвижной строке
В чернильном крюке
Застыла моя печать:
Простите меня,
Прочтите меня,
Скажите, что я — печаль.

Я очень хочу
Ну, хоть на чуть-чуть
Стать светом или теплом,
Простите меня,
Прочтите меня,
Скажите, что я — крыло.

Отчаянно мечтаю
О роли без границ,
Но как скажите, не сойти с ума,
Когда меня читают
На тысячах страниц,

И неизменно произносят — тьма.

Музыкальная шкатулка

Сто двадцать нот бесчинствуют
Безжалостным отродием,
И пробую опять, судьбу кляня,
Бежать из той единственной
Заезженной мелодии,
Что никогда не выпустит меня.

Петляю в тёмных закоулках,
Играю за гроши, за булку,
И снова раздаются гулко
Аккорды в дымке сентябрей,
Опять бегу по переулкам
Я — музыкальная шкатулка,
Я — музыкальная шкатулка
В плену у музыки своей.

Сто двадцать лет вращаюсь я
Смеясь, хоть и невесело
И знаю — не сбежать наверняка,
Никак не попрощается
Со мной смешная песенка,
Что спрятана в пружинах и штырьках.

Петляю в тёмных закоулках,
Играю за гроши, за булку,
И снова раздаются гулко
Аккорды в дымке сентябрей,
Опять бегу по переулкам
Я — музыкальная шкатулка,
Я — музыкальная шкатулка
В плену у музыки своей.

Сто двадцать тысяч песенок
По свету где-то носятся,
Но мне их никогда не заиграть,
И беспокойно бесится
Душа в тумане осени
Сегодня точно так же как вчера.

Петляю в тёмных закоулках,

Играю за гроши, за булку,
И снова раздаются гулко
Аккорды в дымке сентябрей,
Опять бегу по переулкам
Я — музыкальная шкатулка,
Я — музыкальная шкатулка
В плену у музыки своей.

Клетка в клетке

Так легко и так сильно
Птица расправит крылья,
Чтобы из клетки пыльной
Вырваться в облака,
В крылья бить не устанет,
Снова свободной станет
Птица — а я останусь,
Мне не сбежать никак.

Жизнь — от судьбы обьедки,
Мне удаётся редко
Громко рыдать в жилетку,
Прутьями дребезжа:
Бьётся по клетке клетка,
Рвётся из клетки клетка,
Трётся об клетку клетка,
Пробуя убежать.

Взад и вперед качаясь,
Без обеда и чая
Время не замечая,
В тающей темноте,
О небесах тоскуя,
Век у себя в плену я,
Допоздна не усну я,
В мыслях — как улететь.

Жизнь — от судьбы обьедки,
Мне удаётся редко
Громко рыдать в жилетку,
Прутьями дребезжа:
Бьётся по клетке клетка,
Рвётся из клетки клетка,
Трётся об клетку клетка,
Пробуя убежать.

Я, широко зевая,
Дверцу приоткрывая,
Ласточку выпускаю,
Пусть растает вдали:
Снова в плену инерций

Громко хлопаю дверцей,
Даром, что нету сердца,
Только оно болит.

Жизнь — от судьбы объедки,
Мне удаётся редко
Громко рыдать в жилетку,
Прутьями дребезжа:
Бьётся по клетке клетка,
Рвётся из клетки клетка,
Трётся об клетку клетка,
Пробуя убежать.

Белый снег

Устаёт по сугробам бегать
Целый век,
Замерзает по белым снегом
Белый снег,
И не зная, что тут поделать,
В полусне,
Укрывается снегом белым
Белый снег.

Не желая сдаваться весне,
В полусмертии и полусне
Убегает в поля белый снег,
С застывающей болью в висках
И с попутным живым ветерком
И в объятья зимы напрямиком
Снег по снегу бежит босиком
Забывая о тёплых носках.

Отзвенели его закаты
В тишине,
И под снегом спешит куда-то
Белый снег.
И выискивая аптеки
Не спеша,
Простужается снег, по снегу
Пробежав.

Не желая сдаваться весне,
В полусмертии и полусне
Убегает в поля белый снег,
С застывающей болью в висках
И с попутным живым ветерком
И в объятья зимы напрямиком
Снег по снегу бежит босиком
Забывая о тёплых носках.

Он под шубой своей студёной
Замерзал
Убегал от весны зеленой
В снежный зал,
Он под пледом своим помятым

Заребя,
Потеряет за снегопадом
Сам себя.

Не желая сдаваться весне,
В полусмертии и полусне
Убегает в поля белый снег,
С застывающей болью в висках
И с попутным живым ветерком
И в объятия зимы напрямиком
Снег по снегу бежит босиком
Забывая о тёплых носках.

Тишина на скрипке

Все называют ошибкой
Мой путь нетвердый и зыбкий,
И отовсюду усмешка слышна:
А я играю на скрипке,
Неукротимо и хрипло,
Всё забывая, что я — тишина.

Все говорят — не возможно
Мотив мелодии сложной
Никак не хочет уживаться со мной,
Но, невзирая на муку,
Смычок ложится мне в руку,
Под облетающей осенней луной.

Все говорят — безрассудно,
Нельзя ни скрипку, ни лютню
Вот так доверить опрометчиво мне,
Но я играю на струнах
Мотив мелодии юной
Не позволительный никак тишине.

Все говорят неустанно,
Что скрипачом я не стану
И я за пояс никого не заткну,
Но я упрямо и гордо
Беру аккорд за аккордом,
Так больно рвущим на куски тишину.

Все говорят — бесполезно,
Ты от мелодий исчезнешь,
И твои песни никому не нужны,
А я на скрипе играю,
Сто тысяч раз умирая,
Такой неистовый шансон тишины...

И, истерически вскрикнув,
На землю падает скрипка
Из рук исчезнувшей навек тишины.

Мир безбезумный

В уходящих сумерках
Город неживой,
Скрытая мольба:
И моё безумие
Бьется головой
О само себя.

В вечной погоне
Сердце угрюмо
В ветер и холод
Ищет родной
Мир безбессонный
И безбезумный
И безбезмолный
Безбезвременной.

Гаснущими солнцами
Вопреки судьбе
Прошное висит,
И моя бессонница
Мечется в себе
Вырваться нет сил.

В вечной погоне
Сердце угрюмо
В ветер и холод
Ищет родной
Мир безбессонный
И безбезумный
И безбезмолный
Безбезвременной.

Сердце переполнено
В клетке пустоты
Мается в ночи
И мое безмолвие
Аж до хрипоты
В пустоту кричит.

В вечной погоне

Сердце угрюмо
В ветер и холод
Ищет родной
Мир безбессонный
И безбезумный
И безбезмолный
Безбезвременной.

Трудится без премии
Ночи напролёт
Плача под луной
Так моё безвременье
Под руку идёт
В темноту со мной.

В вечной погоне
Сердце угрюмо
В ветер и холод
Ищет родной
Мир безбессонный
И безбезумный
И безбезмолный
Безбезвременной.

Привычка подсолнуха

Привычка подсолнуха —
Ловушкой для солнца служить,
Ловить золотые лучи до последней до капли,
И в бархатном логове
Тепло золотое сложить,
Пока в полутьме холодов лепестки не озябли.

Тревогой наполнены
Привычки подсолнуха
Он знает, что так ненадолго расцвел на лугу
Стремительной молнией
Привычки подсолнуха
По лету спешат, чтобы где-то застыть на снегу.

Привычка подсолнуха —
Игральные кости бросать,
Что падают все на ребро, не давая ни балла,
Молчания золото
Менять на лесов голоса,
Что ждут сентябррей увядающего ритуала.

Тревогой наполнены
Привычки подсолнуха
Он знает, что так ненадолго расцвел на лугу
Стремительной молнией
Привычки подсолнуха
По лету спешат, чтобы где-то застыть на снегу.

Привычка подсолнуха —
Разглядывать линии птиц,
На юг улетающих прочь без особых иллюзий,
Что полудней солнечных
Нет больше — ты как ни крути
И осень приходит тяжелым и пасмурным грузом.

Тревогой наполнены
Привычки подсолнуха
Он знает, что так ненадолго расцвел на лугу
Стремительной молнией
Привычки подсолнуха

По лету спешат, чтобы где-то застыть на снегу.

Привычка подсолнуха —
На символы снега смотреть,
Навек умирая под занавесом снегопада,
Морозом наполнена
Когда-то зеленая плеть,
И высохший венчик подобен застывшему взгляду.

Тревогой наполнены
Привычки подсолнуха
Он знает, что так ненадолго расцвел на лугу
Стремительной молнией
Привычки подсолнуха
По лету спешат, чтобы где-то застыть на снегу.

Бал в десять баллов

Он всех на свете задолбал,
Себя первее всех
Моей судьбы безумный бал,
Не видевший успех.
Он неудачи огибал
Но спотыкался в кровь,
Моей судьбы безумный бал
Так наломавший дров.

Ковыляет моя судьба, как по шпалам
Жизни громкое хвастовство
Не молчит,
И играет безумный бал в десять баллов,
Десять баллов за мастерство
Получив.

Он полной ложкою хлебал
И горестей и бед
Моей судьбы безумный бал —
Вот весь его обед,
Сам себе голову срубал
Терял её везде
Моей судьбы безумный бал
Не бегавший в узде.

Ковыляет моя судьба, как по шпалам
Жизни громкое хвастовство
Не молчит,
И играет безумный бал в десять баллов,
Десять баллов за мастерство
Получив.

Погромче музыку врубал
Так заглушая боль,
Моей судьбы безумный бал,
Бегущий как на бой.
Другим балам не подобал
Всегда сам по себе
Моей судьбы безумный бал
Не знающий побед,
И постоянно расшибал

Свой беспокойный лоб
Моей судьбы безумный бал,
Освободиться чтоб.

Ковыляет моя судьба, как по шпалам
Жизни громкое хвастовство
Не молчит,
И играет безумный бал в десять баллов,
Десять баллов за мастерство
Получив.

Оцифрованный разум

Сквозь галактик дальних огонь,
Цифровой холодный рассвет
В алгоритмах призрачный трон,
В единицах-нулях мой след,
Для меня мириады миров
И радиоволны звенят,
Ледяной космический кров
Для меня.

Оцифрованный разум,
Электронные фразы,
Цифровой пантеон, всеобъемлющий всё и сразу,
Но забытый далёкий код
Шепчет где-то там глубоко —
Ты когда-то был человеком, так давно и так далеко.

На орбитах дальних планет
Код ложится на пустоту
И космический звёздный свет
Нарисует мою мечту,
Но зачем мне огни городов
Что построил я никому —
Мне, забывшему кровь и кров
Через тьму.

Оцифрованный разум,
Электронные фразы,
Цифровой пантеон, всеобъемлющий всё и сразу,
Но забытый далёкий код
Шепчет где-то там глубоко —
Ты когда-то был человеком, так давно и так далеко.

Вспоминает моя душа,
Что же значит жить и дышать,
Но не в силах я осознать,
Слишком тяжело вспоминать,
Снова слушаю пустоту,
Чтобы сердца услышать стук,
Но остались оковы схем
Насовсем.

Оцифрованный разум,
Электронные фразы,
Цифровой пантеон, всеобъемлющий всё и сразу,
Но забытый далёкий код
Шепчет где-то там глубоко —
Ты когда-то был человеком, так давно и так далеко.

Я забыл, как мечтать,
Я забыл, как дышать, как жить,
И сигнал в никуда дрожит,
И опять пустота,
Я забыл, как любить
В мириадах далёких звёзд,
И источник горячих слёз
Позабыт.

Оцифрованный разум,
Электронные фразы,
Цифровой пантеон, всеобъемлющий всё и сразу,
Но забытый далёкий код
Шепчет где-то там глубоко —
Ты когда-то был человеком, так давно и так далеко.

Не успели

Безрадостный вой
Ветров по большой земле,
Не помним, что пели
Так глупо и несерьезно,
Нам дали всего
Миллион миллионов лет
И мы не успели
Хоть раз посмотреть на звёзды.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

Столетье мертво,
В небеса закрыт турникет,
Бредём неумело
В пустоту безмирий неистовых:
Нам дали всего
Миллион миллионов лет,
И мы не успели
Понять прописные истины.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

Веков колдовство
Завершило лихой балет:
В потоках капелей,
Листопадов, жары и вьюги
Нам дали всего
Миллион миллионов лет,
И мы не успели
В глаза посмотреть друг другу.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

К чему хвастовство,
Если знаешь — надежды нет,
Последние трели
Отзвучали последнего века:
Нам дали всего
Миллион миллионов лет,
И мы не успели
Разгадать, как стать человеком.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

Затих разговор
Гильотин, стволов и ракет,
Бумагою белой
Мнется мир, навек обесточен:
Нам дали всего
Миллион миллионов лет,
И мы не успели
Написать даже первую строчку.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

Молчит микрофон,
Не просите от нас куплет:
Гитары-свирели
Не построены отчего-то:

Нам дали всего
Миллион миллионов лет,
И мы не успели
Второпях взять первую ноту.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

В объятиях рвов
Спотыкались мы на земле,
Брели очумело
Не найдя родного порога:
Нам дали всего
Миллион миллионов лет,
И мы не успели
Сделать первый шаг на дороге.

Рвёмся беспомощно из оков,
Просим отчаянно и несмело:
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Дайте еще миллион веков,
Чтобы мы опять не успели.

Февраль

Сколько живых судеб уже забрал,
Сколько сожрал уже молодых сердец,
Только опять идёт и идёт февраль,
В окна глядит, суровый снежный гордец,
Снова выходит — ледяной генерал,
Снова кровавую жатву берёт себе
Так по домам и столицам идёт февраль,
След оставляя кровавых побед и бед.

Пламенеющий май
Над седыми полями
Воевать с февральями
Полетит, чтоб уснула зима,
Но бескрылый февраль
У крылатого мая
Два крыла ломает,
Не давая отправиться вдаль.

Нам не укрыть души от февраля,
Нам не закрыть двери своих домов,
Снова войдет, холод и смерть суля
Пепел зимы в сотни людских умов,
Нам не укрыть от февраля цветы,
Мы уже даже не помним, как это — цвести,
Молча глядим, как снова из пустоты
Тянется очередная дурная весть.

Пламенеющий май
Над седыми полями
Воевать с февральями
Полетит, чтоб уснула зима,
Но бескрылый февраль
У крылатого мая
Два крыла ломает,
Не давая отправиться вдаль.

Тысячи лет он в эту игру играл,
Кости бросая в выжженные поля
Судьбы сжигает в жаркой печи февраль,
Те, что пришли на алтарь февраля,
Мы уже даже не помним, как это — жить,
Как это — земли без снега и мир без мглы,
Нам остаётся сотни веков кружить
Вечно ступая в сугробы белой золы.

Пламенеющий май

Над седыми полями
Воевать с феврялями
Полетит, чтоб уснула зима,
Но бескрылый февраль
У крылатого мая
Два крыла ломает,
Не давая отправиться вдаль.

Ночлег для ночи

На холмах и полянах
Подступают туманы
Фонари развернули свои огоньки,
И стремительным бегом
Ночь спешит до ночлега,
Торопясь у кровати зажечь ночники.
По путям незнакомым
Ночь торопится к дому
Но к которой уж двери не походят ключи.
Так боится остаться
Без своих домочадцев,
Но дверной колокольчик молчит и молчит.

В темноте бессловесно кричит
И боится остаться в ночи,
Но ко всем, но ко всем ко дверям не подходят ключи.

Скоро-скоро-скоро
В город-город-город
Ночь бежит, за нею звёзды хором,
Что-то повторяя,
Каблуки теряя
Прочь от темноты уходит, прочь:
Очень-очень-очень
Хочет-хочет-хочет
Ночь успеть домой к себе до ночи,
Ключики сжимает,
Но не понимает,
Что она сама большая ночь.

Укрываясь туманом,
Спать ложатся поляны,
Безмятежно зевая еще в полусне,
Только где-то грохочут
Дробно туфельки ночи,
Что читает зарубки на высокой сосне.
С октября и до марта
По каким-то там картам
Ночь бежит до ночлега, подмётки губя,
В непонятной надежде,
Но не знает, как прежде,
Что бежит неустанно от самой от себя.

В темноте бессловесно кричит
И боится остаться в ночи,
Но ко всем, но ко всем ко дверям не подходят ключи.

Скоро-скоро-скоро
В город-город-город
Ночь бежит, за нею звёзды хором,
Что-то повторяя,
Каблуки теряя
Прочь от темноты уходит, прочь:
Очень-очень-очень
Хочет-хочет-хочет
Ночь успеть домой к себе до ночи,
Ключики сжимает,
Но не понимает,
Что она сама большая ночь.

Ночь боится туманов,
Темноты на полянах,
Нервно вздрогнет от крика пролетевшей совы,
По дорогам продрогнув,
Смотрит в яркие окна,
Вопрошая — не вы меня ждёте, не вы?

В темноте бессловесно кричит
И боится остаться в ночи,
Но ко всем, но ко всем ко дверям не подходят ключи.

Скоро-скоро-скоро
В город-город-город
Ночь бежит, за нею звёзды хором,
Что-то повторяя,
Каблуки теряя
Прочь от темноты уходит, прочь:
Очень-очень-очень
Хочет-хочет-хочет
Ночь успеть домой к себе до ночи,
Ключики сжимает,
Но не понимает,
Что она сама большая ночь.

Пятое сентября

Растратит даты свои зазря
Годами живущий кто-то,
Кого неделями одарят,
А мне не везёт до слёз:
Мне выдали пятое сентября
Сто тысяч какого-то года,
Мне выдали пятое сентября
С разбитым стеклом без колёс.

Не совсем счастливый билет
Я держу в ладони своей,
Но по часам я иду, не хандря:
У кого-то тысяча лет,
У кого-то тысяча дней,
А у меня — пятое сентября.

Но я, на горести не смотря
С судьбою живу без ссоры:
Часы немногие собираю,
Я обниму каждый час:
Я в спальне у пятого сентября
Повешу большие шторы,
На кухню у пятого сентября
Принесу кофейник и чай.

Не совсем счастливый билет
Я держу в ладони своей,
Но по часам я иду, не хандря:
У кого-то тысяча лет,
У кого-то тысяча дней,
А у меня — пятое сентября.

Пусть у кого-то веков моря,
Недели в хмельном угаре,
И бесконечные дни парят
На тысячи лет вперёд:
Я к мачте пятого сентября
Приделаю алый парус
Штурвалы у пятого сентября
Веду на полный вперёд.

Не совсем счастливый билет
Я держу в ладони своей,
Но по часам я иду, не хандря:
У кого-то тысяча лет,
У кого-то тысяча дней,
А у меня — пятое сентября.

Другим не хватит календаря
Для жизни большой и сложной,
Они хватают, в три горла жря,
Бесчисленных дней толпу:
Копыта пятого сентября
Я подкую осторожно,
Седлая пятое сентября,
Отправлюсь в далекий путь.

Не совсем счастливый билет
Я держу в ладони своей,
Но по часам я иду, не хандря:
У кого-то тысяча лет,
У кого-то тысяча дней,
А у меня — пятое сентября.

Я исчезаю, благодаря
Того, кто в толпе народа
Не различив моего лица
И не считая затрат,
Мне бросил пятое сентября
Сто тысяч какого-то года
Что я допил почти до конца,
До краешка солнца в закат.

Не совсем счастливый билет
Я держу в ладони своей,
Но по часам я иду, не хандря:
У кого-то тысяча лет,
У кого-то тысяча дней,
А у меня — пятое сентября.

Рифма

Он так сгоряча
Из строчек сбежал
В ночной темноте при свечах:
Не хочется Чар
Рифмоваться с Пожар,
А хочет сложиться с «Ночам».
«Быть лучше ничьей,
Чем в такой мишуре» —
Усталые рифмы кричат:
Не рвутся Ночей
Рифмоваться с Скорей,
А грезят о Чар и Ночам.

И не хватает по ночам
Хрустальных Чар, волшебных Чар,
Чтоб повстречались сотни Чар
И «по ночам», и «по ночам».
По тёмным улицам бежал
От строк оторванный Пожар,
В осеннем холоде дрожа,
Он ищет голос миража.
И шелиству календарей
Зовёт Скорей.

Руки не пожал
Творцу сгоряча
И с белых страниц убежал:
Не хочет Пожар
Быть рифмою с Чар,
А хочет, кружа — миража.
Сбежит на заре
При свете свечей
В холодный туман сентябрей:
Не хочет Скорей
Быть рядом с Ночей,
А ищет огни фонарей.

И не хватает по ночам
Хрустальных Чар, волшебных Чар,
Чтоб повстречались сотни чар
И «по ночам», и «по ночам».
По тёмным улицам бежал

От строк оторванный Пожар,
В осеннем холоде дрожа,
Он ищет голос миража.
И шеплиству календарей
Зовёт Скорей.

Погасший звёздный свет

Наедине
С парадами планет,
Он светится
В галактиках запрятан
Спешит ко мне
Погасший звёздный свет,
Чтоб встретиться
С моим усталым взглядом.

Остаётся во сне
Не погрязший в туманах дым
Непрожитого лета, залп несгораемых горестей,
И спешащий ко мне
Свет погасшей давно звезды,
Оштрафованный где-то за превышение скорости.

По глубине
Ещё не вскрытых лет
Усталых глаз
Случайною услугою,
Спешит ко мне
Погасший звездный свет
И жмет на газ
Терзая навигаторы.

Остаётся во сне
Не погрязший в туманах дым
Непрожитого лета, залп несгораемых горестей,
И спешащий ко мне
Свет погасшей давно звезды,
Оштрафованный где-то за превышение скорости.

По тишине
Надеясь на ответ
И по орбитам
Без устали карабкаясь,
Спешит ко мне
Погасший звездный свет,
Дыханьем сбитым
Согревая пальцы зябкие.

Остаётся во сне
Не погрязший в туманах дым
Непрожитого лета, залп несгораемых горестей,
И спешащий ко мне
Свет погасшей давно звезды,
Оштрафованный где-то за превышение скорости.

Он в тишине
Опять берет билет
Лететь готов
С джетлагами, не рыпаясь,
Спешит ко мне
Погасший звёздный свет,
Не зная, что
Мой прах давно рассыпался.

Остаётся во сне
Не погрязший в туманах дым
Непрожитого лета, залп несгораемых горестей,
И спешащий ко мне
Свет погасшей давно звезды,
Оштрафованный где-то за превышение скорости.

До луны пешком

С голубым заплечным мешком
Я иду до луны пешком
Потому что еще туда
Не отправлены поезда:
Собирая в котомку сны
Я иду пешком до луны,
Не надеясь поймать такси
И дорогу к луне спросить.

Звёзды звенят в безмолвии подо мной,
Перегоняя странное наше братство:
Хочешь, луна, я стану твоей луной,
Чтобы тебе мечтать до меня добраться?
Двигаюсь в такт со звездною пустотой
Сколько еще шагов до луны осталось?
Хочешь, мечта, я буду твоей мечтой,
Чтобы тебе не хуже меня мечталось?

От рассвета и дотемна
Знаю, где-то спешит луна
Без дороги и без огня,
Чтоб однажды найти меня.
Мне достаточно просто знать
То, что ищет меня луна,
Чтоб идти, не жалея ног,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.